

УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ПАТРИОТ

В 2009 году исполнилось 115 лет со дня рождения одного из крупнейших ученых-таксаторов и лесоустроителей СССР, кавалера орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Знака Почета, Заслуженного деятеля науки БССР, доктора сельскохозяйственных наук, профессора Федора Потаповича МОИСЕЕНКО.

Имя Федора Потаповича Моисеенко, несмотря на то, что его уже 30 лет нет с нами, хорошо известно лесоведам. Достаточно напомнить, что материальную оценку лесосек лесхозы Беларуси до сих пор делают по сортиментным таблицам Моисеенко.

Жизнь и творчество этого ученого не раз описывали в лесной литературе. Его памяти была посвящена специальная научная конференция, которая проходила в Институте леса в 1994 году. Казалось бы, что можно добавить к уже сказанному? Но жизнь любого великого человека, будь то ученый, писатель, государственный деятель, настолько многогранна и поучительна, что черпать из этого колодца можно бесконечно. Не зря творчеством великих поэтов, писателей, ученых занимаются целые институты, анализ их творчества выливается в монографии и диссертации. Многому можно научиться и у корифеев лесного дела и лесной науки.

Мне как ученику Ф. П. Моисеенко довелось общаться с ним последние 11 лет его жизни. Это была великолепная школа науки, жизни, патриотизма, верности идеалам, порядочности и любви к лесу. В последние годы я не раз, слушая выступления, доклады молодых (и не очень молодых) ученых, с сожалением

отмечал про себя: «не было у него хорошей школы». Ее наличие или отсутствие видно сразу. «Дыхание» школы профессора В. К. Захарова сразу чувствуешь, слушая профессоров В. Е. Ермакова, О. А. Атрощенко. У академика В. А. Ипатьева была видна школа крупнейшего почвоведца П. П. Рогового. Влияние Ф. П. Моисеенко отчетливо проявилось в творчестве профессора В. Д. Арещенко, кандидатов наук В. И. Мироненко, Л. Н. Толкачева и др.

Общение с Моисеенко учило многому. Во-первых, честному, скрупулезному, даже трепетному отношению к науке, к исследованиям. Помню, как однажды в БелНИИЛХе один относительно молодой сотрудник после очень трудной защиты отчета на Ученом совете, выйдя в коридор, с облегчением произнес: «Уф, отбредался». Услышав это, Федор Потапович не на шутку рассердился и очень резко отчитал сотрудника, заметив, что занятие наукой не терпит «отбредания».

...Моисеенко прошел непростой жизненный путь. Он родился 20 февраля 1894 года в крестьянской семье, в д. Круговец Гомельского уезда, что в 40 км от Гомеля. Ученый вспоминал, как его отец – крестьянин – занимался, по сути, селекцией ржи и пшеницы, ежегодно отбирая лучшие колоски и заботливо лелея семена из них. Не зря хлеба у Потапа Моисеенко всегда были лучше, чем у односельчан.

Закончив в 1916 году среднюю школу, что по тем временам уже было большим достижением, Федор Моисеенко отправляется в Москву и поступает в институт, позже ставший знаменитой «Бауманкой».

Приходит 1917 год, учиться по многим причинам становится невозможно, и будущий ученый покидает Москву. В тот же год он поступает в Харьковский физико-технический институт. Но на сей раз волны гражданской войны одна за одной катятся по Украине. Федор Моисеенко вынужден вернуться в родной Круговец. Здесь

тоже не легко: в деревне почти нет образованных людей. Естественно, что Моисеенко оказывается вовлеченным в жизненный круговорот своего села. Его назначают председателем волисполкома (потом это стал сельсовет) и одновременно волвоенкомом. Время тяжелое, но судьба бережет будущего лесного корифея.

Федор Потапович вспоминал, как 23 марта 1919 посетил Гомельский ревком, беседовал с его председателем С. С. Комиссаровым, был и на приеме у председателя ЧК И. И. Ланге.

– Жутковато было идти в Губчека. Охрана у входа – китайцы. Смотрят настороженно (напомним, что китайцы составляли костяк интернациональной роты, которая в Гомеле охраняла советские учреждения). Винтовки у солдат и наган у командира – на боевом взводе. Вдоль длинного коридора у каждой двери стоит китаец с винтовкой. В конце коридора – пулемет «Максим», возле него два китаец... Когда, решив все вопросы, вышел из Губчека – словно гора с плеч свалилась, – рассказывал Федор Потапович.

Закончив дела, председатель волисполкома Моисеенко встречает земляка – соседа из Круговца. Тот приглашает Федора Потаповича поехать с ним домой на подводе. Но вдруг подходят коллеги – работники советских органов из Гомеля, других деревень:

– Федя! Идем с нами. Мы устроились в гостинице «Саввой». Для тебя тоже место будет. Посидим вечером, поговорим.

Соблазн остаться большой, но пересиливает желание ехать на возу, а не топтать пешком 40 км. Вечером 23 марта Федор уезжает в Круговец. А ночью происходит Стрекопытовский мятеж. Всех партийных и советских работников (Комиссарова, Билецкого, Ланге и др.) убивают. Гостиницу «Саввой» после артиллерийского обстрела берут штурмом превосходящие силы мятежников, и все ее постояльцы погибают. Судьба.

Я, как, впрочем, и дети самого Моисеенко, не знаю, был ли Федор Потапович членом партии. Сам же он никогда об этом не заговаривал. Я знал учителя как

беспартийного. Но профессор Ф. Т. Костюкович, бывший директор БелНИИЛХа и Белорусского лесотехнического института, в 1993 году рассказывал о том, что в очередную «чистку» в начале 30-х годов Федора Потаповича «вычистили» из партии, скорее всего за то, что до революции он учился в институтах. От неминуемого ареста его спас тогда партсекретарь (Ф. Т. Костюкович), который поручился за товарища. Благо, был это еще не 1937-й.

...Должность советского руководителя не привлекает Федора Потаповича. В родном селе он организует среднюю школу и становится ее первым директором. Но мечта о высшем образовании не оставляет будущего ученого. Когда в 1923 году происходит первый выпуск Круговецкой школы, то 8 ее выпускников, а с ними и их директор, поступают в Горецкую сельскохозяйственную академию. На факультет лесного хозяйства идут 3 человека, в т.ч. и Федор Потапович Моисеенко.

Уже в годы учебы проявляется талант Федора Потаповича как исследователя и педагога. По окончании академии его оставляют ассистентом на кафедре лесной таксации. Первый научный учитель Ф. П. Моисеенко – профессор А. И. Кондратьев. Одна из первых работ молодого ассистента, выполненная вместе с учителем, – поиск новой сырьевой базы для производства фанеры. Растущая промышленность требует все больше фанеры, в т.ч. для строительства самолетов. Сырья катастрофически не хватает – до конца 20-х годов прошлого века лучшую фанеру делают только из черной ольхи.

Моисеенко вместе со своим учителем, проведя обширнейшие исследования, в т.ч. на деревообрабатывающих заводах, доказывают возможность использовать для этих целей березу. На долгие годы эта порода станет основным сырьем для производства фанеры...

С именем Ф. П. Моисеенко часто связывают слово «впервые». Вот перечень лишь главнейших научных и практических результатов, полученных ученым впервые.

- Доказано, что объемы и товарную структуру древостоев можно оценивать по средней форме ствола. Это в несколько раз упростило и удешевило методы материальной оценки лесосек против методов, применявшихся ранее. Этот метод используют во всех странах бывшего СССР до сих пор, правда, иногда забывая первооткрывателя.

- Предложено деление деревьев на деловые, полуделовые и дровяные, что тотчас было принято на всей территории СССР. Теперь это предложение практиками воспринимается почти как существовавшее всегда, но у него был автор.

- Установлено, что влияние снижения полноты на прирост древостоев не прямо пропорционально, а имеет сложную закономерность, которая была выражена формулой Ф. П. Моисеенко, вошедшей во все учебники своего времени.

- Обоснованы возрасты технической спелости и возрасты рубки в лесах БССР.

- Определено влияние повреждений деревьев на их прирост.

- Разработан простой и доступный метод нахождения массы корней бересклета. Для военного и первого послевоенного времени эта проблема, кажущаяся сегодня неактуальной, имела огромное значение. Бересклет вдруг стал едва ли не главным сырьем для производства каучука (другим источником был похожий на одуванчик кок-сагыз, плантации которого занимали тысячи гектар), а значение каучука пояснять не надо. Вспомним, что за разработку методов выращивания бересклета И. Д. Юркевич получил в 1949 г. Сталинскую премию – главную награду того времени в СССР.

- Обобщены нормативные материалы по таксации дубовых древостоев разных регионов, составлены таблицы хода роста и вытекающие из них нормативы для дубовых лесов СССР.

- Разработан новый вид таблиц для товаризации – таблицы динамики товарности. Такие таблицы потом стали создавать повсеместно.

- Предложена новая модель сортиментных таблиц и новый метод их составления.

Против того, что было раньше, (метод П. В. Третьякова по фаутам – верх, низ и т.д.) это было революционное предложение. Н. П. Анучин сразу оценил идею, и через год появились его таблицы по той же форме, отличающиеся от данных Ф. П. Моисеенко на 3-5%. Н. В. Третьяков отказался признать новшество. На сортиментные таблицы Ф. П. Моисеенко, напечатанные на 90 стр. машинописи через 2 интервала, он дал разгромный отзыв на 105 стр. через 1,5 интервала. Вопрос рассматривали летом 1937 года на НТС в Главлесоохране – органе, который управлял лесным хозяйством СССР.

Федор Потапович рассказывал: «Членами НТС были все выпускники Ленинградской лесотехнической академии, где преподавали ученики профессора Н. В. Третьякова. Выпускники вузов, открытых 7-8 лет назад, еще не успели дорасти до уровня членов НТС. По этой причине я был настроен пессимистически. Обсуждение началось в 10 часов утра. Закончилось в 6 часов. Утра. Было 2 перерыва по 15-20 минут на обед и ужин в буфете. Когда шли гурьбой к недалекой гостинице, милиционер прогнал с трамвайных путей, по которым почти сразу прошел первый трамвай. Обсуждение закончилось принятием моих таблиц, и они стали применяться на всей Европейской части СССР, кроме Севера». Нам сегодня трудно оценить драматизм ситуации. Если бы НТС отказал в утверждении таблиц, автора тут же обвинили бы во вредительстве, и судьба его была бы печальной.

Можно вспомнить еще много научных работ, выполненных Ф. П. Моисеенко, но и сказанного достаточно, чтобы представить масштаб и значение этого ученого.

...В конце 20-х годов Федор Потапович для лучшего познания практической таксации переходит в трест «Лесбел» экспертом по лесному фонду. В это время древесину массово продают за границу. Из БССР она идет в основном в Германию. Рубки часто носят подневольно-выборочный

характер. Приезжают специалисты из Германии, выбирают лучшие (обычно самые крупные) деревья. Для избежания заготовки фаутных стволов проводят выстукивание их специальными молоточками. Фауты на слух определяют безошибочно. Наши специалисты (в т.ч. Ф. П. Моисеенко) перенимают у немцев это искусство – именно так хочется назвать подобное умение.

Сегодня, из-за многолетней не востребоваемости (это хорошо, т.к. подневольно-выборочные рубки не ведем), описанное искусство утеряно полностью (а это уже вызывает сожаление).

...В лесопромышленный НИИ в Гомеле Федор Потапович приходит сразу после его открытия. Вскоре институт переименовывают в БелНИИЛХ, затем в Институт леса. Здесь он проработает всю оставшуюся жизнь.

В довоенное время лесное хозяйство остро нуждается в нормативной базе для ведения хозяйства с учетом региональных условий. К началу войны силами коллектива, где работают такие известные ученые, как И. Д. Юркевич, К. Б. Лосицкий, К. Ф. Мирон, В. П. Синицкий, Ф. Т. Костюкович, Н. И. Костюкевич, акад. В. В. Шкателов, Н. М. Березенко, Г. Г. Кругликов, Д. И. Вуевский и другие, эта задача выполняется. В первых рядах коллектива идет и Федор Потапович.

В скором времени Ф. П. Моисеенко, пришедший в институт на должность старшего научного сотрудника, занимает пост руководителя лаборатории (тогда это подразделение называлось «кабинет», после войны – «отдел») лесной таксации. В результате многочисленных реорганизаций лаборатория имеет несколько названий. Но все вариации на тему «таксация» и «экономика».

В 1937 году группе ученых-лесоводов присваивают ученую степень «кандидат наук» без защиты диссертации. В числе других ученую степень кандидата биологических наук (почему получилось, что именно биологических, а не сельскохозяйственных, ученый и сам не знал) получает и Федор Потапович Моисеенко.

Когда началась война, Федору Потаповичу исполнилось 47 лет. В армию Моисеенко не призывают. Во-первых, он невоеннообязанный (у ученого с середины 30-х годов из-за болезни был ослаблен слух), но главная причина получения «брони», освобождающей от армии, – ученая степень. Страна верит в победу и, хотя очень тяжело, думает о будущем и бережет интеллектуальную элиту.

Институт эвакуируют в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область на станцию Котлубанка. В эвакуации три института – ВНИИЛХ (ныне ВНИИЛМ), БелНИИЛХ и УкрНИИЛХ объединяют, и они под общим руководством работают на оборону страны. Ф. П. Моисеенко, в частности, занимается изысканием сырьевой базы для производства авиафанеры, прикладов винтовок, автоматов и лыж.

После возвращения в Гомель ученый, как и весь коллектив, занимается восстановлением – и здания родного института, и экономики страны в целом. В послевоенные годы остро стоит проблема оценки ущерба, нанесенного оккупантами нашим лесам, совершенствования нормативов для учета леса. Моисеенко выполняет ряд крупных НИР, выходом из которых становятся 2 дополнительных и усовершенствованных издания сортиментных таблиц (1968 и 1972 гг.), таблицы хода роста для ели и дуба, новые возрасты рубок леса и многое другое. Он принимает активное участие в разработке Генерального плана развития лесного хозяйства на 20 лет (1958 г.) и т.д. Со второй половины 60-х годов и до конца жизни Федор Потапович основное внимание уделяет оптимизации выращивания древостоев. Для этой цели он (совместно с А. М. Кожевниковым) разрабатывает нормативы изреживания древостоев, приводящие к получению максимальной общей производительности насаждений.

К сожалению, в начале 1971 года Ф. П. Моисеенко отправляют на пенсию. Но благодаря твердой позиции его верного ученика В. Д. Арещенко, Федор Потапович имеет возможность работать на 0,5 ставки консультантом

**Ф. П. Моисеенко в день его 70-летия поздравляет академик И. Д. Юркевич.
Сидят слева: директор БелНИИЛХа Н. М. Березенко, справа: зам. директора В. С. Победов**

старшего научного сотрудника в лаборатории экономики, которую возглавляет В. Д. Арещенко.

Можно по-разному относиться к этим событиям. На то время, Федору Потаповичу исполнилось уже 77 лет. Я не знал его в 40-60-летнем возрасте и потому могу судить о его работоспособности в те годы только по результатам, которые описаны выше. Но в 77 лет Ф. П. Моисеенко работал за двоих, а то и троих средних научных работников. Его работоспособность поражала. Будь-то кабинет или пробная площадь, наш учитель был неутомим.

Вспоминаются яркие выступления Федора Потаповича на Ученом совете, членом которого он оставался до конца жизни: начинается свои речи учитель обычно тихо, но постепенно его выступление приобретает все большую экспрессию и заканчивается весьма эффектно. Члены Совета слушают, как замороженные, да и есть что слушать – пустых речей учитель не произносит.

Здесь уместно рассказать, как же работал наш учитель. На работу Федор Потапович приходил за 10-15 минут до ее начала – за всю жизнь не опоздал ни разу. Садился за стол и трудился. Через 2-2,5 часа делал паузу на 5-10 минут. Не позволял ни себе, ни сотрудникам праздных разговоров. Во время обеда делал перерыв. Питался

скромно: маленькая – 200 г. – бутылочка молока, небольшой бутерброд – и все. Во время обеденного перерыва ходил по парку один или в компании сослуживцев. Затем – снова работа в том же режиме. Вечерами, а часто и в выходные, Федор Потапович работал дома.

Я так хорошо знаю распорядок его рабочего дня, потому что сидел вместе с учителем в одной комнате.

До 1986 года институт располагался в двухэтажном здании на Пролетарской, 18. Строили его в 1935 году, с расчетом на 50 работников. К концу 60-х годов в БелНИИЛХе трудилось порядка 200-220 человек. Отдельных кабинетов у заведующих отделами не было. Разговоры, которые случались в нашем кабинете во время работы, всегда носили деловой характер: обсуждалась научная проблема, практические результаты внедрения и т.п. Ни разу не доводилось мне слышать во время работы бесед о футболе, охоте или на бытовые темы. Конечно, Моисеенко жил в реальном мире – со своими пристрастиями, бытовыми проблемами. Но все это обсуждалось либо на прогулке в перерыв, либо после работы.

Жил Моисеенко в построенном сразу после войны частном доме, возле которого был очень маленький участок с яблонями и грушами. Хотя все было очень скромно,

чувствовалось, что здесь живет рачительный и трудолюбивый хозяин. Если Федору Потаповичу задавали вопрос о его материальном положении как пенсионера, он отвечал:

– Я всю жизнь барствовать не привык. Мне пенсии профессора (в то время 160 руб.) вполне хватает.

В 1974 году у Федора Потаповича случился инсульт. В течение года он восстанавливался, но работу оставил, заявив:

– Я впосилы работать не приучен, а в полную силу уже не могу. Как смогу буду трудиться дома.

Он и трудился: считал, анализировал, писал статьи, рецензировал. Иногда выезжал на пробные пло-

щади, часто в сопровождении своего ученика – Л. Н. Толкачева. Я, будучи в то время уже заведующим лабораторией, по первой же заявке учителя выделял ему 1-2 помощников для работы в лесу.

Скончался Ф. П. Моисеенко через 2 недели после второго инсульта в октябре 1979 г. Похоронен на кладбище (Осовцы) в одной ограде с женой Зельмой Яковлевной, сестрой жены и сыном Игорем.

В Гомеле есть улица имени Ф. П. Моисеенко, по которой сотрудники Института леса каждый день идут на работу. Название улицы – дань уважения Федору Потаповичу не только как выдающемуся ученому, но и как патриоту г. Гомеля. Многие видные ученые, работавшие в БелНИИЛХе, перешли в институты Москвы (К. Б. Лосяцкий, И. И. Хомяков, В. А. Феофилов и др.), Минска: И. Д. Юркевич, Н. И. Костюкевич, Ф. Т. Костюкович, К. Ф. Мирон и др. Неоднократные предложения переехать в Москву, Минск, Воронеж, Брянск поступали и Моисеенко, но он остался верен родному Гомелю.

Научное наследие этого ученого еще долго будет служить белорусскому лесу, а его жизнь и творчество – примером для молодежи.

**© Владимир БАГИНСКИЙ,
д.с.-х.н., профессор,
член-корр. НАН Беларуси,
ученик Ф. П. Моисеенко.**